

11003007
МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені М.П. ДРАГОМАНОВА

СИСТЕМА І СТРУКТУРА

СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ:

ПАМ'ЯТІ АКАДЕМІКА Л.А. БУЛАХОВСЬКОГО

Збірник наукових праць

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТСЬКА
БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНИ

КИЇВ
ЗНАННЯ УКРАЇНИ
2006

29086882
115
115
115

Обов'язковий примірник

Редакційна колегія:

В.І. Гончаров, канд. філол. наук, професор (відповідальний редактор);
А.М. Григораш, канд. філол. наук, доцент (відповідальний секретар);
М.Я. Брицин, докт. філол. наук, професор;
Л.П. Іванова, докт. філол. наук, професор;
Ф.О. Нікітіна, докт. філол. наук, професор;
Н.І. Озерова, докт. філол. наук, професор;
М.Я. Плющ, докт. філол. наук, професор;
О.О. Тараненко, докт. філол. наук, професор;
Л.С. Віннічук, канд. педагог. наук, доцент;
О.І. Дашенко, канд. філол. наук, доцент;
М.П. Дворжецька, канд. філол. наук, професор;
Т.І. Плужнікова, канд. філол. наук, доцент;
Т.В. Слободянюк, канд. філол. наук, доцент;
М.М. Тягунова, канд. філол. наук, доцент;
Н.В. Хруцька, канд. філол. наук, доцент.

Рецензенти:

Н.Л. Іваницька, докт. філол. наук, професор;
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук;
Т.Ю. Ковалевська, докт. філол. наук;
Л.М. Полюга, докт. філол. наук, професор;
О.А. Сербенська, докт. філол. наук, професор.

С40 Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л.А. Булаховського: Зб. наук. праць (Редкол.: В.І. Гончаров (відп. ред.) та ін. — К.: Знання України, 2006. — 316 с. Бібліогр. в кінці ст. — Укр., рос.
ISBN 966-7201-26-0

У збірнику вміщено наукові праці докторантів, аспірантів, професорсько-викладацького складу мовознавчих кафедр Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова та інших вузів України з актуальних проблем східнослов'янського мовознавства. Тематика статей охоплює питання граматичної будови і лексичного складу східнослов'янських мов, етимології і словотвору, історії і взаємодії мов, культурології і стилістики. Об'єктом лінгвістичного аналізу виступають структурні одиниці різних рівнів мовної системи. У полі зору мовознавців питання фонетики, морфології, синтаксису, лексикології, термінології та лексикографії.

Для викладачів, аспірантів, студентів філологічних факультетів, учителів української та російської мов середніх шкіл та гімназій.

ББК 81.2я43

ISBN 966-7201-26-0

© Національний педагогічний університет
імені М.П. Драгоманова, 2006
© Автори статей, 2006

г) градацію: «*І тільки серце числить рівним стуком / Години, тижні і роки*» [2, с. 60]; «*І туга, що співала в снах, / Що зріла і росла роками, / Що племінилася в очах, / Уже доходячи нестями, / Враз вибухла, як грім*» [2, с. 28-29];

г) антитезу: «*Білий лицар на чорнім коні*» [2, с. 42], «*І прагнений кінець лиш є початком*» [2, с. 50], «*Не спокій лагідний, — безладний рух*» [2, с. 79], «*І хтось віддасть, і хтось візьме / життя*» [2, с. 146], «*Хліб дорогий, життя проте дешевше*» [2, с. 425].

Таким чином, розглядаючи синтаксичні засоби поетичної мовотворчості як частину авторського «я», зазначимо, що за їх допомогою Ю.Клен витворює таку дійсність, яка максимально увиразнює його естетичний ідеал. Творчий підхід митця до поетичного синтаксису розкриває глибинні резерви української мови, її виражальні та інтелектуалізаторські можливості, і в цілому сприяє розвитку поетичної мовотворчості.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гуйванюк Н.В. Актуалізація як умова каузативного ускладнення комунікативної семантики висловлення / Семантика мови і тексту. Зб. статей VIII Міжнародної конференції. — Івано-Франківськ: Плай, 2003. — С. 126-131.
2. Клен Ю. Вибране / Упоряд., авт. передм. та приміт. Ю. Ковалів. — К.: Дніпро, 1991. — 461 с.
3. Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. — М.: Наука, 1979. — 197 с.
4. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале нем. языка). — М.: Высшая школа, 1974. — 156 с.
5. Словник української мови: В 11 т. — Т. 1-11. — К.: Наук. думка, 1970-1980.

ФОНЕТИЧНА СИСТЕМА МОВИ І СЛОВОТВІР

Л.В. Гребинник

МОРФЕМНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОСВОЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Морфемно-деривационный аспект освоения заимствованных слов — это наименее исследованный вопрос в русской лингвистике. Нам не удалось обнаружить работы, в которых данная тема исследовалась бы в полном объеме. В определенной степени уделяется внимание рассматриваемой проблеме в работах современных украинских лингвистов [5], [7]. Следовательно, все выводы и положения, изложенные в статье, строятся исключительно на результатах анализа фактического материала (немецких заимствований, выделенных нами из «Толкового словаря иноязычных слов» Крысина Л.П. [6]) с использованием «Словообразовательного словаря русского языка» Тихонова А.Н. [8].

Если сопоставить словообразовательные системы русского и немецкого языков, можно выделить их ведущие типологические характеристики: словосложение и тенденция к синтетизму в немецком языке; аффиксация и тенденция к аналитизму в русском. Другими словами, для выражения составного наименования в русском языке используется словосочетание, в немецком — сложное слово. Словообразовательная система немецкого языка гораздо богаче, особенно в отношении словосложения. Немецкие слова исключительно активно вступают в словообразовательные отношения с аффиксами и друг с другом. Поэтому среди выделенных нами немецких заимствований значительную часть (32%) составляют слова, являющиеся в языке-источнике сложными.

В настоящем исследовании для нас представляет интерес то, каким образом реализуются морфемно-словообразовательные особенности немецких слов на русской почве. Для этого рассмотрим сначала, что происходит с морфемным составом немецких заимствований в процессе их освоения русским языком.

Принято считать, что на начальном этапе освоения заимствования подвергаются опрощению своего морфемного состава в заимствующем языке. Это типичный признак вхождения иноязычного слова в язык-реципиент. Опрощение — это превращение ранее производной и членимой на морфемы основы в непроеводную (корневую) вследствие стирания морфологических границ между её компонентами. Основной причиной такого стирания является затемнение лексического и грамматического значений иноязычного слова и как следствие этого — невозможность его морфемного членения. Так, большинство немецких слов, имеющих в языке-источнике мотивированную основу, в русском языке являются непроеводными.

Среди выделенных нами немецких заимствований с немотивированной основой, прежде всего мы отметим слова, которые в языке-источнике имеют определённый морфемный состав, а в заимствующем языке их структура остаётся полностью затемнённой, что не позволяет выделить у них какие-либо компоненты. Это слова *аншлаг* (*An/schlag*¹), *абрис* (*Ab/riß*), *абзац* (*Ab/satz*), *дуршлаг* (*Durch/schlag*), *абцуг* (*Ab/zug*), *абштрих* (*Ab/strich*), *абзетцер* (*Ab/setzer*), *аблаут* (*Ab/laut*), *умлаут*; (*Um/laut*), *аншлиф* (*An/schliff*), *форшмак* (*Vor/schmack*), *форштадт*; (*Vor/stadt*), *вольварк*; (*Vor/werk*), и др.

К вышеописанным словам примыкают и слова, являющиеся сложными в немецком языке, и также подвергшиеся на русской почве опрощению их морфемной структуры: *домкрат* (*Daum/kraft*), *валторна* (*Wald/horn*); *апельсин* (*Apfell/sine*); *вашгерд* (*Waschl/herd*); *гансвурст* (*Hans/wurst*); *зингшпиль* (*Sing/spiel*), *бухгалтер* (*Buch/halter*); *зензубель* (*Sims/hobel*); *галстук* (*Hals/tuch*); *крахмал* (*Kraft/mehl*); *ухналь* (*Hufl/nagel*), *вундеркинд* (*Wunder/kind*), *галтель* (*Hohl/kehle*); *мольберт* (*Mall/brett*); *надфиль* (*Nadell/feile*) и др.

Опрощение морфемной структуры слова мы рассматриваем как первый, начальный этап освоения заимствованного слова. Следующий этап — актуализация морфемного состава заимствованного слова. Среди анализируемых немецких заимствований, у которых можно выделить составные компоненты, отмечаем, прежде всего, группу слов, которые при заимствовании вошли в уже существующие словообразовательные гнезда, то есть получили мотивацию за счёт исконных или заимствованных ранее и уже полностью ассимилированных форм: Так, слова *тонмейстер*, *тонарм*, *тонфильм*, *унтертон*, *обертон*, *тонваген* получили мотивацию за счёт слова *тон* и вошли в словообразовательное гнездо данного слова. Аналогично: *бюст*/ *гальтер* (*бюст*), *бранд*/ *майор* (*майор*), *вахт*/ *ер* (*вахта*), *вахт*/ *ёр* (*вахта*), *клей*/ *стер* (*клей*), *патрон*/ *таш*, *фауст*/ *патрон* (*патрон*), *керна*/ *ер* (*керна*), *ролл*/ *ик* (*ролл*), *фейер*/ *веркер* (*фейерверк*), *фур*/ *ман* (*фура*), *кур*/ *зал* (*зал*), *зильбер*/ *грош* (*грош*), *шпунт*/ *убель* (*шпунт*) и др.

К ним примыкают также слова с интернациональными суффиксами: *адресат*, *адресант*, *апеллянт*, *вейсманнизм*, *кантонист*, *лютеранство*, *лямблиоз*, *мазохизм*, *махизм*, *марксизм*, *нацизм*, *висмутин*, *марксист*

Несмотря на то, что у большинства вышеописанных слов мотивируется только один из компонентов (соответственно второй мы квалифицируем как

¹ Весь иллюстративный материал на немецком языке приводится в статье без артиклей, поскольку на морфемно-словообразовательном уровне артикль не является актуальным.

связанный компонент), данные слова являются морфологически членимыми. Поэтому наши примеры опровергают предложенный ещё Л. Блумфилдом принцип «вычитания значений», который был поддержан В. Флейшером, А.И. Смирницким, В.В. Лопатиным, И.С. Улухановым, Н.Д. Арутюновой, заключающийся в том, что значение целого слова фактически равняется сумме значений его составных частей. Большинство же современных лингвистов, в их числе Е.А. Земская, Н.М. Шанский возражают против применения семантического вычитания при определении семантики морфем, основываясь на положении об идиоматичности членимого слова. Из наших примеров видно, что для членения основы достаточно, чтобы один из вычленяемых в ней компонентов мог вступить в мотивационные отношения с другим словом в языке.

Среди немецких заимствований встречаются также слова, для определённых компонентов которых потенциально возможно найти в русском языке слова, сходные с ними, но, тем не менее, они остаются нечленимыми: *парикмахер* (*парик*), *борштанга* (*штанга*), *плацкарта* (*карта*), *циферблат* (*цифра*), *аксельбант* (*бант*), *драбант* (*бант*) *фисгармония* (*гармония*), *блицкриг* (*блиц*), *рольганг* (*роль*), *маркшейдер* (*марка*), *эрцгерцог* (*герцог*), *пфальцграф* (*граф*), *гауптвахта* (*вахта*), *фельдъегерь* (*егерь*), *рейсшина* (*шина*). Объяснить данное явление можно тем, что для членения основы недостаточно лишь формального сходства, необходима мотивация, предполагающая семантические отношения между мотивирующим и мотивированным словами.

Формальный подход опровергается также и в следующих случаях. Если согласиться с положением некоторых лингвистов о том, что для членения основы целиком достаточно того, чтобы она входила в один сопоставительный ряд, можно действительно выделить в составе многих иноязычных слов отдельные элементы. Но множество наших примеров показывает, что только одного сопоставительного ряда недостаточно для выделения сегментной единицы, поскольку выделенные части не могут мотивировать целостной структурно-семантической единицы. Так, немотивированными остаются немецкие заимствования с более или менее прозрачной структурой, составные элементы которых являются узнаваемыми, поскольку встречаются и в других словах (*ягдташ* — *патронташ*; *бюстгальтер* — *штатгальтер*; *альпеншток* — *футшток* — *штокроза* — *штокверк*; *штокверк* — *кронверк* — *фейерверк* — *ростверк* — *веркблей*; *кронглас* — *кронштейн* — *кронпринц* — *кронциркуль*; *флинтглас* — *кронглас*; *шпильман* — *фурман* — *доберман* — *шуцман* — *гетман*; *вальдшнеп* — *гаршнеп* — *кроншнеп*; *гастарбайтер* — *гастроли*; *курихаар* — *лангхаар* — *дратхаар*; *планшайба* — *плангерд*; *крейцмейсель*; — *крейцкопф* — *розенкрейцер*; *кронштейн* — *бакштейн* — *штейнгут* и др.). В подтверждение необходимости мотивации приведём ещё одно сопоставление. Слова с частью *рейх-* (*рейхсбанк*, *рейхсвер*, *рейхсканцлер*, *рейхсрат*, *рейхстаг*) имеют членимую основу — данная группа слов вошла в русский язык в виде целого словообразовательного гнезда с исходным словом *рейх*. Основа же слов *бундестаг*, *бундесвер*, *бундесгерихт*, *бундесрат*, *бундестаг* — непрямая, поскольку отсутствует мотивирующее слово.

На дальнейшем этапе освоения происходит формирование новой морфемной структуры заимствованного слова, осуществляется перекалфикация иноязычных морфем, изменение их морфемного статуса, вхождение их вследствие переразложения в состав новых аффиксальных или корневых единиц. Так, например, в немецких словах *Klappen* и *Flocken*, послуживших прототипами русских слов *клапан*, *флокен*, флексия *-en* служит для оформления

множественного числа в немецком языке. Поскольку русскому языку данная флексия не характерна для оформления множественного числа, она теряет на русской почве свой морфемный статус и входит в состав корня.

Наиболее характерными процессами на данном этапе освоения иноязычного слова являются усечение и наращение основы. Типичным для немецких заимствований является усечение конечных элементов, особенно если такие элементы входят в состав сложных слов. Данное явление наблюдаем в словах *библьдрук* (*Bibeldruckpapier*), *бор* (*Bohrer*), *гапм* (*Hartblei*), *дрель* (*Drillbohrer*), *замша* (*Sämischleder*), *сервелат* (*Zerwelatwurst*), *такса* (*Dachshund*).

Наращение основы наблюдается, в основном, в тех случаях, когда на русской почве происходит отбрасывание немецких флексий или даже частей сложного слова и присоединение русских финалей, получивших свойства субморфов, соответствующих суффиксам по своей внешней форме, но не ставших ими ввиду отсутствия мотивации: *ледерин* (*Leder*), *лобзик* (*Laubsäge*), *лядунка* (*Ladung*), *папка* (*Pappe*), *ранец* (*Ranzen*), *рыдван* (*Reitwagen*), *фулёнка* (*Füllung*), *фланец* (*Flansch*), *фуганок* (*Fugebank*), *шпренгель* (*Sprengwerk*), *штрипка* (*Strippe*), *штуцер* (*Stutzen*). Такие изменения происходят вследствие действия закона аналогии: тенденции к сближению незнакомых компонентов иноязычного слова с исконными формами, вследствие чего им придаётся оформление, наиболее близкое к русским словам, что уже свидетельствует о частичном освоении данных слов на словообразовательном уровне.

Полностью освоенными на данном уровне можно считать глаголы: все глаголы немецкого происхождения оформляются в русском языке при помощи характерных исконным глаголам суффиксов *-ов*, *-ев*, теряя немецкую глагольную флексию *-en*, но сохраняя в отдельных случаях суффикс *-ир*: *алитировать*, *визировать*, *градировать*, *импонировать*, *мелировать*, *трассировать*, *тарировать*, *панировать*, *никелировать*, *маршировать*, *вербовать*, *вальцевать*, *рихтовать*, *паковать*, *спринцевать*, *трелевать*, *футеровать*, *фехтовать*, *шпаклевать*, *штопать*, *шлифовать*, *штуковать*. Морфемная членимость данных глаголов, также как и имён существительных, предопределяется мотивацией. Глаголы *никелировать*, *трассировать*, *футеровать*, *вальцевать*, *визировать*, *маршировать*, *тарировать* членятся на морфемы, поскольку имеют мотивирующие слова, к тому же данные глаголы входят в словообразовательные гнезда слов, их мотивирующих. Ведущую роль мотивации при определении членимости слов подтверждает также различный морфемный состав глаголов *визировать*¹ и *визировать*². В слове *виз-иров-ать* выделяется суффикс *-иров*, так как оно мотивируется словом *виза*; а в слове *визир-ов-ать* выделяется суффикс *-ов*, поскольку оно мотивируется словом *визир*.

У остальных глаголов морфемная членимость отсутствует, а компоненты *-ов*, *-ев*, *-иров* квалифицируем как субморфы. Данные глаголы не имеют мотивирующих слов и являются исходными словами словообразовательных гнезд.

Актуализация морфемного состава заимствованного слова осуществляется на окончательных этапах процесса его освоения, что является подготовительным этапом в процессе укоренения слова, то есть включения его в словообразовательную систему языка-реципиента. Поэтому рассмотрим также деривационный потенциал немецких заимствований как заключительный этап в процессе их освоения на словообразовательном уровне.

В зависимости от степени реализации деривационного потенциала в языке-реципиенте среди немецких заимствований можно выделить следующие группы:

¹ В значении «ставить визу на чём-н.».

² В значении «наводить оптический или геодезический прибор на какой-н. ориентир».

1. Слова с нулевым словообразовательным потенциалом, то есть слова-одиночки, не имеющие дериватов в русском языке, а, следовательно, и являющиеся неосвоенными его словообразовательной системой. К таким словам относятся: *абцуг, абштрих, брудершафт, васисдас, вергельд, верк, галтель, гарт, грат, грейзен, гросс, grosфатер, декель, дунст, дуршлаг, зарин, зельц, иммельман, инцухт, йодлер, каско, кизельгур, кунштюк, маар, мангольд, маркграф, миттель, миттельшнауцер, миттельшпиль, мурда, нерунга, никсы, педель, пробанд, рейсфедер, роштейн, сервелат, табун, тюрингит, туш, умлаут, ухналь, фордек, фенхель, фижмы, футшток, флютбет, фуксия* и др.

2. Слова, вошедшие при заимствовании в уже существующие словообразовательные гнезда¹.

3. Слова, являющиеся исходными словами словообразовательных гнезд.

В третьей группе, в зависимости от количественных критериев реализации словообразовательного потенциала можно выделить слова с невысокой степенью деривации (менее 10 производных) и слова с высоким деривационным потенциалом (более 10 производных). Большинство проанализированных нами слов имеют невысокий деривационный потенциал (1-3 деривата). Наиболее продуктивным способом словообразования в данной группе слов среди неодушевлённых существительных являются суффиксы *-н, -нн, -ов, -ев*, с помощью которых образуются прилагательные со значением отношения: *анкер — анкерный, апельсин — апельсиновый, апельсинный, аншлаг — аншлаговый, вакса — ваксовый, ваксенный, букса — буксовый, валторна — валторновый, вахта — вахтовый, вахтенный, вексель — вексельный, вентиль — вентильный, гастроли — гастрольный, висмут — висмутный, вольфрам — вольфрамовый, галстук — галстучный, гардина — гардинный, георгин — георгиновый, гильза — гильзовый, грифель — грифельный, дизель — дизельный, домкрат — домкратный, камертон — камертонный, карст — карстовый, кафель — кафельный, кегли — кегельный, китель — кительный, клапан — клапанный* и др.

Одушевлённые заимствованные существительные чаще вступают в словообразовательные отношения с суффиксом *-ск*: *гофмаршал — гофмаршальский, ефрейтор — ефрейторский, егерь — егерский, капельдинер — капельдинерский, бургомистр — бургомистерский, гастарбайтер — гастарбайтерский, гелертер — гелертерский* и др.

Немецких заимствований с высоким словообразовательным потенциалом (10 и более дериватов) гораздо меньше в русском языке. Мы обнаружили всего 37 слов. Самый высокий словообразовательный потенциал имеет глагол *шлифовать* — 73 производных, также высокую степень деривации имеют слова *паковать* — 47 производных, *рентген* — 46, *грунт, крахмал* — 44, *торф* — 42, *шлак* — 41, *штопать* — 40, *бинт* — 31, *глянец* — 26, *цинк* — 25, *цех* — 24, *шахта, рама* — 23, *вербовать* — 21, *фуганок, шпик, шлихта* — 20, *штемпель* — 19, *шпион, шпаклевать* — 18, *штуковать, шабер* — 17, *кран* — 16, *фальц, штраф, штрих* — 15, *штабель* — 14, *шина, шпора* — 13, *фокус, шпунт, штурм* — 12, *шихта, штаб* — 11, *такса, шлюз* — 10.

Зачастую словообразовательный потенциал отдельных слов увеличивается благодаря сложным словам, образованным путём словосложения от заимствованных и исконных основ, вследствие чего гнезда с десятками производных имеют 1-2 деривационных такта. Так, количество дериватов слова *грунт* увели-

¹ Подробнее об этом см. выше в описании второго этапа освоения заимствованных слов.

чивается за счёт сложных слов *почвенно-грунтовой, цементно-грунтовой, грунтобетон, грунтоблок, грунтоведение, грунтлак, грунтоматериалы, грунтомер, грунтонос, грунтопровод, грунтосмесительный*; аналогично у слова *кран: краностроительный, кран-балка, кран-деррик, деррик-кран, автокран, вертолёт-кран, кабель-кран, стоп-кран, электрокран.*

Проанализировав количественные и качественные показатели по вышеописанным группам слов, можно прийти к следующим выводам. Значительное количественное преобладание мы отмечаем у слов, которые участвуют в словообразовательных процессах, но имеют невысокий словообразовательный потенциал. Слова с нулевым потенциалом более интересны для нас своим качественным составом, поскольку данная группа представлена преимущественно экзотической и устаревшей лексикой, узкоспециальной терминологией или же лексикой с негативной стилистической окраской, то есть словами, находящимися на периферии языковой системы.

Не всегда можно обнаружить прямую зависимость между словообразовательной активностью заимствованного слова и временем его вхождения в язык-реципиент, а также частотой употребления носителями заимствующего языка. Среди слов с невысокой словообразовательной активностью и слов-одиночек немало древних заимствований (*мольберт, мундштук, панцирь, форзац*), а среди слов с высоким словообразовательным потенциалом встречаем слова, заимствованные относительно недавно (*рентген, такса, шина*). Поэтому мы выделяем ещё один фактор, влияющий на словообразовательную активность слова — это фактор экстралингвистический, в основу которого положена обозначаемая словом реалия. Чем выше активность и значимость данной реалии для носителей языка, тем выше словообразовательный потенциал слова, её обозначаемого. Это объясняет большое количество дериватов у слов *рентген, бинт, торф, цинк* и др. Но, тем не менее, частота употребления слова остаётся значимой в процессе его морфемно-словообразовательного освоения, что также неоднократно подтверждалось нашими примерами.

Анализ немецких заимствований на морфемно-словообразовательном уровне позволяет сделать следующие выводы. Морфемная структура заимствованного слова в процессе его освоения подвергается процессам опрощения и переразложения, сопровождающимися усечением и наращением основы, которые мы рассматриваем как последовательные этапы в процессе освоения. Окончательным этапом освоения на морфемно-словообразовательном уровне является участие заимствованного слова в словопроизводстве. На реализацию словообразовательной активности иноязычного слова влияет сфера и частотность его употребления, а также определённые экстралингвистические факторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биржакова Э.А., Войнова Л.А., Кутина Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. — Л.: Наука, 1972.
2. Бражник Л. М. Процессы освоения немецких топонимов в русском языке XVIII века: Дис... канд. филол. наук. — Горловка, 2006.
3. Зернова В. К. Словообразовательный этимологический немецко-русский учебный словарь: в 2 т. — К., 1993.
4. Кимягарова Р.С. Типы и виды адаптации заимствованной лексики в русском языке // Вестник Московского университета, сер.9: «Филология», №6, 1989 — С: 69-78.
5. Кислюк Л. П. Словотворний потенціал запозичень у сучасній українській літературній мові (на матеріалі англійських та німецьких запозичень): Дис... канд. філол. наук. — К., 2000.
6. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Русский язык, 2002.
7. Лисенко О. А. Освоєння німецькомовних запозичень в українській науково-технічній термінології: Дис... канд. філол. наук. — Х., 1999.
8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. — М.: Русский язык, 1985.